

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ

ДЕЛА ДАВНО
МИНУВШИХ ДНЕЙ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

Борька сказал, у ворона того шесть глаз, четыре крыла, перья что смоль — каждое не меньше локтя — и костяной гребень вдоль хребта. И будто несли клеть с чудо-птицей через весь город вчетвером на двух здоровенных жердях, точно паланкин заезжего восточного господина.

Вот только верить Борьке на слово — все равно что не глядя с обрыва прыгать: то ли на суку повиснешь, то ли в воду войдешь, то ли о землю переломаешься. Потому-то Дельфи́ра сейчас и лежала по уши в соломе, сиясь рассмотреть что-нибудь сквозь разохшуюся крышу птичника.

Слева, припав глазом к самой широкой прорехе, притаилась Людмила, а справа пыхтел Борька, явно оскорбленный их сомнениями.

— Ну, видали? — Он подполз ближе. — Что я говорил!

— Угомонись, сиволап. — Фира легонько пихнула его локтем в бок. — Не то свалимся хра́брам* на головы, вот будет потеха.

И потащил же его леший вслед за ними, эдакого детину! Раньше-то он мог отплясывать на сеновале,

* Храбр — отборный княжеский воин.

и хоть бы что, но ныне не мальчишка уже, почти мужчина, а словно не сознает, как вымахал к четырнадцатому лету. Того и гляди истинно проломит крышу.

— Да я как перышко! — свистящим шепотом возмутился Борька.

И тѣс под ними, точно в насмешку, закрипел.

— Многовато их, — прошелестела солома голосом Людмилы, а затем и ее всклокоченная голова поднялась из стога. — Давно ль птиц стерегут пуще девиц в тереме?

Фира только хмыкнула.

Кабы терем стерегли как следует, разве ж очутились бы они здесь, да еще и на закате?

То есть Фира б, может, и очутилась — на побегу непутевой чужачки смотрели сквозь пальцы, а если и ругались, то для вида, не боле, — но вот княжну бы верно заловили на пороге. И заперли бы на семь засовов до самой свадьбы, и князю-батюшке донесли бы. Благо подслеповатую няньку Дотью никто не спешил заменить кем помоложе да поглазастее, а прочие так ошалели от подготовки к пиру, что о невесте переживали последним делом.

Дурачье. Наивное дурачье.

Это ведь не Фира затащила ее на сеновал — наоборот все. И не Фира с утра до ночи выспрашивала у старой няньки о колдовстве древнем и зверях вещих. И уж точно не Фира, разглядев-таки в щель небывалого ворота — и впрямь громадного и многокрылого, — теперь кусала губу и хмурила брови.

Когда лицо Людмилы делалось таким задумчивым, всякий, кто знал ее хоть чуточку, ждал недоброго. Вот и Борька притих, а Фира тяжело вздохнула.

— Нет, — произнесла она прежде, чем Людмила заговорила, но та словно и не заметила.

— А ведь там, внизу, Драгáнова дюжина, — протянула княжна, подавшись вперед и подперев щеки кулаками.

— Нет.

— Его, его. И разве не Драгáн на ладных гуляньях всю Вóлюшку пробежал, от устья до развилки, лишь бы поймать именно твой венок?

Драган. И да, пробежал, да по обоим берегам. Но веноч Фира не по воде пустила, а тишком закопала в землю, пока Людмила причитала за ее спиной не хуже дворовых баб: мол, негоже так, разгневаются боги, вовек замуж не выйдешь. Потом поуспокоилась, правда, поразмыслила и хитрость переняла, только переиначила: дождалась, когда избранник ее у кромки появится, и вместе с цветами в реку сиганула, чтоб, значит, точно не перепутал и нужное выловил.

Но сейчас-то ясно было, к чему все эти речи, так что Фира головой качнула и в третий раз повторила:

— Нет, — тут же пояснив: — Не стану я его ошипывать.

— Кого? Драгана? — удивился Борька. — Зачем его ошипывать? И так ведь лысый как коленка.

— Тьфу на тебя! — Голубые глаза Людмилы сверкнули гневом, застрявшая в косах солома встопорщилась, точно ежиные иголки. — Несложно ведь! Улыбнешься, ресницами похлопаешь — так он сам тебя пустит и ворона покажет...

— Ага, и перо выдернет тоже сам, — скривилась Фира.

— Может, там этими перьями вся клеть усыпана!

— Может, крикнешь погромче, Драган сюда поднимется и попросишь у него напрямки?

Тёс под ними стонал совсем уж надсадно, так что храбр вполне мог наведаться на шум. Людмила стыдливо вспыхнула и снова закопалась в стог, и Фира тоже на всякий случай припала к доскам. К счастью, птицы — не самое тихое племя: голоса их носились из угла в угол, взмывали под потолок, сталкивались и сплетались. Да и сгрудившиеся внизу воины о чем-то спорили, обменивались шутливыми тычками и гудели куда громче, чем они здесь, наверху.

Никто не задира́л голо́вы, не грозил кулаком, за меч не хватался.

— А зачем тебе перо? — нарушил недолгое молчание Борька.

— За надом. — Людмила села, отряхиваясь от соломы, и зыркнула на Фиру исподлобья. — Не сможешь, значит?

Сердце дрогнуло тоскливо, жалостливо, но давать слабину нельзя было, никак нельзя.

— Нет.

— Эх, а еще ведьма. — Людмила перевела взгляд на Борьку. — А ты?

В закатном свете, льющемся на сеновал из всех прорех, волосы ее отливали не золотом, как обычно, а медью; глаза лихорадочно блестели, на щеках горел нездоровый румянец. Вот уж кого спутать с ведьмой легче легкого, да и затеяла княжна истинное ведьмовство, в этом Фира ни капли не сомневалась. Догадывалась даже, какое именно.

— Мила, не глупи...

— Я? — икнул Борька. — Так гонят, всех подряд гонят, я уж и бочком, и ползком пытался. Только уши надрали и тятке обещали доложить.

Конечно, гонят. Явно ж не для любопытной детворы вешего ворона поймали, а чтобы поразить высоких гостей на пиру. Плененная птица вряд ли что предскажет, но и одного ее вида довольно. Как выпустят чудище в гриднице*, как ахнут все изумленно, как посмотрят на великого князя с уважением да задумаются, что еще эдакого в русских закромах припрятано.

Вот после уже всем дозволят глазеть, трогать и восхищаться, но для Людмилы, верно, будет слишком поздно.

Осторожно, чтоб не сыпалась солома в щели прямоком на храбров, Фира придвинулась к княжне, лицо ее ладонями обхватила, прижалась лбом ко лбу и зашептала:

— Ты сама его выбрала, сама в руки упала, сама убедила князя-батюшку. И говорила, что любишь... Любишь?

Мила всхлипнула и робко кивнула.

— Так чего же теперь дергаешься? За день до свадьбы...

— В том и беда, что всего день остался! А если я... ошиблась?

Фира на миг смежила веки, затем оглянулась на Борьку: из пшеничных кудрей торчат уши свекольные, и вовсе

* Гридница — огромный зал для размещения княжеской дружины, а также для приемов и пиров.

не оттого что их драли, а потому что кто-то их греет на чужих секретах. Спуститься бы, но тогда надо сразу в терем спешить, а там других наслушников полным-полно.

Фира прижалась к Людмиле еще теснее и зашептала еще тише:

— Это плохой ритуал, опасный. Откроет перо завесу, заглянешь ты в грядущее, но и в тебя тоже заглянут... всякие. Вся Навь уставится в самое нутро, а может, кто и лапы потянет.

— Но я же быстро! Посмотрю только на себя, на него... на счастье наше. Или несчастье...

— В сердце свое смотри, — отрезала Фира и отстранилась. — Там больше правды, чем в колдовстве. И добра больше.

Уж кому знать, как не ей, за то самое колдовство из родного края изгнанной. Девку деревенскую вовсе бы сожгли, но луарскую принцессу с почестями привезли к соседям и оставили «проникаться традициями». Девятое лето уже проникается и никогда не забудет те первые, самые страшные и одинокие, дни.

Когда спина под дорогой парчой все еще горела от отцовских розог. Когда от чужой речи язык завязывался узлом, а от случайных всплесков силы хотелось удавиться.

Ну как увидят? Ну как снова в подвалы бросят?

Это уже потом выяснилось, что суровый Бог, коему противно колдовство, остался далеко-далеко в Луаре, вместе с отцом и братьями. И что никто здесь не будет грозить карами от его имени и за крест хвататься, а ежели почуют в тебе ведьму, то разве что стороной обойдут,

но могут и помощи попросить. Или просто так одарить. Задобрить.

Странная земля, дикая.

И радоваться бы этим странностям, этой свободе, но местные боги тоже оказались не столь просты. И шутили жестоко, и карали за сушие глупости, и награждали так, что век бы этих наград не видать. Леса, озера и болота наполнились нечистью да всякого рода проказниками, после встречи с которыми можно не только месяц жизни потерять, но и кусок плоти. А раз уж ведьмы и колдуны тут в почете, то и злые среди них находились, и особо хитрые: сам наслал на деревню мор, сам же пришел с целебным снадобьем.

Порой Фира думала, что Луар куда безопаснее. Что под присмотром Творца и праведнее, и теплее, а если все же сожгут ее... что ж, зато не успеет никому навредить.

В другие же дни о прошлом почти забывалось, душа пела и сила плескалась внутри, точно мед хмельной. Верилось тогда, что не просто так ее увело от костра прямиком на волю, от безразличного родителя — к радужному князю Владимиру, от холодных и грубых братьев — к юной княжне, что стала и сестрой, и подругой.

Стала всем.

Упрямая и неугомонная с одними, скромная и послушная с другими, переменчивая, что весеннее небо, всегда разная, но всегда настоящая. Верная.

Потому и отказывать ей было трудно, но необходимо.

Сама себя Людмила не защитит.

Фира взгляделась в ее лицо, ожидая обиды, скорби, злости даже, но княжна вдруг расслабилась и улыбнулась.

— Тогда погадай мне, — промолвила легко. — Как в детстве, помнишь? Погадай, успокой мое сердце.

Неожиданные слова, спасительные, но нутро тревожно сжалось: слишком уж скорая перемена... даже для Людмилы.

Фира прищурилась:

— Для гаданий особая пора нужна.

— Вот сегодня ночью к тебе и постучусь, — отмахнулась княжна. — Пора вполне годная, луна до краев налилась.

— Уходить надо, — подал голос Борька, поднимаясь на карачки. — Караульных по двору пустят — до утра тут застрянем, и никакой вам ворожбы.

Фира замешкалась. Прав он был, и в тереме их вот-вот хватятся, но муть на душе взвилась такая, что хоть вой и привязывай Людмилу к стропилам — пусть таки посидит до зари, поразмыслит.

Не могла она отступиться от того, чем ярко загорелась, по крайней мере, не променяла бы чудо дивное на детскую забаву, для которой и ведьма-то не нужна. Ведь видела все то же, что и Фира: клеть огромную, да как ворон просовывает меж прутьев то одно крыло, то другое, то все четыре сразу, разминает и вскрикивает порой грозно, не по-птичьи совсем, по-человечьи.

Разве ж сможет княжна теперь просто уйти от заветного пера, когда до него рукой подать?

Но кого станет просить о помощи, раз уж Фира с Борькой отказались? Братьев? Не поддержат они бабью блажь. Сама пойдет на храбров ресницами махать? Так они ее, скорее, в покрывало завернут и сдадут жениху, чтоб не шлялась где ни попадя. И из девиц в птичник

никто не сунется, а если сунется, потом по всему детинцу разнесет, что княжна с нее требовала.

Больше ничего в голову не шло, но и спокойствия не прибавлялось.

Фира потянулась было к Людмиле — сжать запястье, сказать что-нибудь мудрое, правильное, — но та мягко отстранилась и кивнула на распахнутые створки сенника, за которыми торчала макушка приставной лестницы:

— Давай первая. Как свистнешь, и я спущусь.

Слова так и не нашлись. Фира молча поднялась, прокралась к двери и, глянув, нет ли кого на задворках, ухватилась за тетивы и обернулась напоследок к княжне.

Улыбчивой. Решительной.

Такие затей на полпути не бросают, а потому ночь впереди ждала бессонная.

Солнце почти скатилось под землю, лишь алый бок торчал из-за городской стены, а Руслан все никак не мог до ложницы* добраться. И ведь засветло ворота прошли, на капище успели побывать, со жрецами потолковали, великому князю в ноги поклонились, дружину в гриднице пристроили, отобедали и перевара напились, так что Третьяк, поди, уже какую девку на перинах щиплет, а он, Руслан, как дурень по двору слоняется.

Потому что у всякого встречного к нему десяток дел и вопросов!

Привез ли он гребень, али милку его другим чесать? Что на сборах завтра петь: про сапожки иль про шубку? Не то споют про шубку, а он сапожки подарит. Смыслит ли его побратим в берегах, все ли как надо сообразит? Еще не хватало, чтоб молодых сглазили! Сохранил ли Руслан венок с ладных гуляний? Неужто не знал, что положено сухоцвет в ступе растолочь да пылью рушник свадебный присыпать?

Сначала девицы цеплялись, потом — старухи, а после и мужики явились.

* Лóжница — спальня.

Не желает ли князь сам птицу на стол подстрелить? Може, тогда кабана? И телегу надо бы обкатать, новые ж совсем — до капища, конечно, недалече, но ежели колесо отвалится, так и полетит невеста-красавица кувырком.

Голова от них всех трещала, что дрова в печи. А еще Руслан сильно сомневался, что именно он должен все это решать. На что ему тогда дружка и подружье? На что тетки и няньки, свахи и подпевалы? Кружили вокруг вороньем, галдели так, что мыслей своих не расслышишь, но, выходит, попусту?

В который раз подумалось нехорошее. Мол, надо было прямо там, у воды, забросить Людмилу на плечо, уволочь в лес и взять свое, а уж поутру жрецов ловить, как остальные сладившие пары...

Но нет, с княжеской дочкой нельзя так, не оценил бы Владимир и не простил. И поскакал бы Руслан обратно к родным южным берегам Роси без жены, а может, и без чего-нибудь еще, что не сумел в штанах удержать. А то и вовсе не осталось бы у него никаких берегов, лишь стрела в сердце да стыд перед отцом, что потерял княжество, опозорился.

Целехонькое сердце встрепенулось, и Руслан передернул плечами. Какая ж порой дурь на ум лезет, какие страшные картины рисуются, и ведь с чего? Счастлив должен быть накануне свадьбы, а он чуть ли не хоронить себя вздумал.

Вновь костернув шепотом Третьяка, бросившего его на растерзание местному люду, Руслан осмотрелся, заметил у конюшен двух мужиков, что переглядывались и в его сторону пальцами тыкали, и спешно юркнул за ближайший сарай. Поохотала, поди, челядь над

удирающим молодым князем, но еще одного вопроса он бы не выдюжил. И так теперь по всему Яргороду достойный гребень искать, хотя у Людмилы их наверняка больше, чем волос, а непременно нужен новый.

Впрочем, ради такой девицы можно и расстаться.

Руслан ведь тогда на смотрины без всякой охоты ехал, оставил дела важные и всю дорогу побратиму жаловался. А как увидал набежавших к невесте гарипов*, так и вовсе чуть не плюнул на все и не развернул коня. Тут и степняк-весельчак пожаловал в черном набивном доспехе, и бледный луарец с крестом на шее и вечно кривым от недовольства ртом, даже суровый ашшини с гор спустился, по виду готовый сожрать всех соперников на завтрак. У каждого были свои причины с великим князем породниться, но вряд ли кто о них вспомнил, когда в палаты вошла Людмила.

Руслан так точно даже имя свое на миг позабыл. И тут же на других уставился, выискивая слабые стороны. За косы ее, солнцем позолоченные, за глаза лазоревые, за румяные щеки, за всю ее, что статуэтка точеную, он намерен был биться до смерти.

А княжна взяла и сама его выбрала. Это ли не дар богов? Осталось только этот дар окончательно к рукам прибрать и беречь, покуда оба пеплом не рассыплются.

Руслан вздохнул мечтательно, за угол свернул и оцепенел, глазам своим не веря: на лестнице, приставленной к щербатому боку птичника, болталась девчонка.

Ну как болталась... вроде бы вниз сползала, но как-то дергано и неуклюже, путаясь в юбке, цепляясь косой

* Гарип — иноземец.

за плохо обтесанные тетивы. Потом замерла, фыркнула так громко, что даже Руслан услышал, и, стиснув одной рукой перекладину, другой начала задира́ть юбку да подол за пояс затыкать. Вот поршни* обнажились, а вот и белые онучи** до самых колен. Благо на этом девица решила остановиться и в пару сигов, ловко как белка, добралась до земли.

Юбку оправила, встряхнулась так, что сухие травинки во все стороны полетели, будто с комоедичного*** чучела, и наконец соизволила оглядеться.

Тогда-то и заметила Руслана. Узнала, отшатнулась, едва не свалив лестницу, чудом на ногах устояла. А он все смотрел, скрестив руки на груди и плечом к сараю прислонившись, смотрел и улыбался.

Потому что тоже ее узнал, сразу же. Как не узнать эти облепиховые космы, конопатое лицо, острый вздернутый нос и тощее, почти мальчишеское тельце? Не девка взрослая, а птенец невзрачный, хотя Третьяку, помнится, она понравилась.

— Пощупать, конечно, не за что, — сказал он тогда, — но нрав какой, ух, огонь-баба! Видал, как она за мальчика вступилась?

«Мальцом» был здоровенный сынок огнищанина****, что-то не поделивший с посадскими пацанами, вот

* Пóршни — простая обувь, клочок кожи, стянутый на стопе ремешком.

** Онúчи — тканевая обвертка на ноги вроде портянок, наматывается под лапти, поршни, сапоги и валенки.

*** Комоéдица — праздник встречи весны, позднее ставший Масленицей.

**** Огнищáнин — управляющий княжеским хозяйством.

и сцепились. И эта мелочь в драку кинулась, как кошка драная. Разве ж ведут себя так женщины? Тем более рода высокого!

То ли дело Людмила... Нежная, трепетная, мягкая. Немыслимо даже просто представить ее раздающей тумачи. Или вот слезающей с сеновала в потрепанной одежонке явно с чужого плеча.

— Тебе к лицу смердские обноски, принцесса, — не удержался Руслан и улыбнулся еще шире, когда Дельфира побледнела да кулаки стиснула.

Да, огня ей точно не занимать, а вот смирения нет и в помине.

— А тебе к лицу пыль дорожная, княжич, — не осталась она в долгу, и Руслан невольно к щеке потянулся, но тут же отдернул пальцы.

Еще чего, тешить ее презорство.

— Князь, — поправил он, понимая, что тщетно.

Дельфира прекрасно знала, кто он, просто глумилась. И уж лучше так, чем первая ее шутка, до сих пор отзвывавшаяся в груди глухой злобой.

Додумалась же, говор иноземный изображать! Подменять да коверкать слова, на последний слог припадать, а потом невинно хлопать ресницами, дескать, *«каво ѡа ни так казалá»*. И ведь купился Руслан, поверил. Объяснялся с чужачкой на пальцах и даже не морщился — хотя очень хотелось, — когда она заводила свои кривые речи. А потом спросил у Людмилы, что ж подружка ее за полжизни в Роси никак язык не освоит, и выяснилось, что та складывает русские слова не хуже поэтов и ученых мужей и только над Русланом зачем-то издевается.

Причину он выискивать не стал, пусть и догадывался о многом, лишь ответил на явную неприязнь тем же, с тех пор и превратился в устах Дельфиры в «княжича».

Ну не дитё ли?

Хотя... может, не такое уж и дитё, раз по сеновалам шастает.

Руслан вверх глянул и успел заметить мелькнувшие в темном проеме широкие плечи, увенчанные кудрявой светлой головой.

Так и есть, огнищанский отпрыск, на котором пахать надо, а его при отце младшим писарем держали. Видать, писать нынче совсем нечего, коли ему времени хватает с девками кувыраться.

Хмыкнул Руслан, снова на Дельфиру уставился и брови изогнул:

— Не маловат он для твоих утех, принцесса? Тело ж, оно всегда вперед ума вырастает.

— Твое так точно вперед вымахало. — Теперь она не пятилась, а наступала, и подбородок вскинула так высоко, что жилы на тощей шее натянулись. — Если сам в сене баб валяешь, других по себе не равняй.

Хлесткие слова только проникали жалами в разум, а Руслан уже прижимал Дельфиру к стене, обеими руками за плечи, хорошо хоть горло не сдавил в хлынувшей на него ярости. А она и не пыталась вырваться, лишь глаза широко распахнула и губы сжала в ниточку.

— *Это* ты Людмиле нашептываешь? — процедил Руслан. — Гадости про меня сочиняешь? Потому она такая странная была в прошлый мой приезд? Потому сегодня встретить не вышла?

Дельфира нахмурилась растерянно, и он уж подумал, что лишку дал, но затем глаза ее вспыхнули колдовской зеленью — смотреть больно, — а голос сталью зазвенел:

— Пусти.

И Руслан разжал пальцы, нехотя, медленно, чтоб не решила, будто напугала его. Будто забыл он, с кем дело имеет, будто не сквозит ее ведьмовское нутро в каждой черточке.

Руки убрал, но отходить не торопился. Так и смотрел на пигалицу сверху вниз, но и она взгляд не отводила.

— Знаешь, что радует меня боле всего? — произнес Руслан. — Увезу я Людмилу после свадьбы, избавлю от твоего влияния, а сама ты никому не нужна станешь.

Эта мысль и впрямь грела. Не нравилась ему дружба девиц с самого первого дня, как их вместе увидел. И вроде невелика беда: дочь одного правителя с дочерью другого растет бок о бок, глупые тайны ей поверяет, горестями делится... Но веяло от рыжей ведьмы навьем духом, и Людмила подле нее становилась другой.

Порывистой. Резкой. Сама на себя непохожей.

Кто знает, что ей нашептывали год за годом в светлице за шитьем, какие мысли в голову вкладывали, какой гнилью душу чистую оскверняли?

Давно пора было разорвать эту связь, и вскоре все наконец свершится. А уж Руслан проследит, чтоб жена недостатка в подругах не знала — будет хоть какая-то польза от десятка сестер да невесток, наполняющих его дом неумолчным шумом.

Дельфира не отвечала, лишь дрожала ощутимо, и Руслан продолжил:

— В Луаре тебя, судя по всему, тоже не ждут, раз за столько лет не забрали. Уж не за гадючий ли язык погнали вон? И даже братец твой явился по иному поводу, к княжне свататься, а не слезы твои утирать. Хороша семейка! Но, слышал, он на пиру будет, ты попроси как следует, может, и не бросит прозябать здесь без рода, без племени, без...

— Что происходит? — гроыхнуло внезапно, и Руслан отшатнулся.

Лицо тут же потеплело, и он беззвучно выругался: краснеет как баба, словно и впрямь за чем постыдным его застали.

Да и кто застал? Всего лишь Драган.

Выскочил из-за угла и замер меж сараем и птичником, булавой помахивая. Бритая голова поблескивала в последних лучах увядавшего солнца, на безволосом лице застыло занятное выражение недоумения и гнева.

Он вообще весь был... занятный. Невысокий, но крепкий, с руками такими длинными, что еще чуть-чуть, и сможет, не нагибаясь, камни с земли подбирать. Говорили, смесок. Мол, мамка не то с нечистью лесной его нагуляла, не то с восточным купцом, о чем громче слов кричали узкие, вытянутые к вискам глаза и неспособность отрастить даже чахлую бороденку, но великого князя происхождение и внешний облик храбра не волновали. Воином он был отменным и длинными руками пользовался как надо.

Но Руслану, конечно, проиграл бы, сойдиись они в честном бою. Вот только не из-за ведьмы же драться, право слово.

Та, кстати, появления третьего будто и не заметила. Так и стояла, уставившись в пустоту зелеными глазами, бледная и натянутая, что тетива.

— Фира? — окликнул ее Драган, и лишь тогда она повернула голову и явно силком растянула губы в улыбке:

— Все хорошо. Князь по делу меня бранил. Что сбегала из терема, что так поздно по двору слоняюсь.

Руслан бы не поверил — его ведь даже княжичем не назвали, — но то он, а храбр страдал то ли наивно-стью, то ли толстокожестью, потому кивнул:

— Так чего стоишь тогда? Беги, пока Дотья шум не подняла. — После чего рукой махнул, подзывая Руслана: — А ты, князь, поди посмотри, кого для свадьбы твоей отловили. Велено всех отгонять, кроме тебя.

И он пошел, как тут откажешься, хотя смотреть ни на кого не хотелось. Хотелось помыться. Поспать. И вырвать себе язык, ибо ляпнул же что-то лишнее, пусть и не понимал пока, что именно. И не то чтобы ведьму было жаль, но девка же, и такой он ее еще никогда не видел...

Руслан едва не оглянулся убедиться, что Дельфира тоже отправилась восвояси, а не стоит все там же истуканом, но в последний миг по шее себя хлопнул, почесался и удержался.

Ничего ей не сделается, правда еще никого не убила.

В конце концов, свершит какую-нибудь ведьмовскую пакость и успокоится.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

